

О МЕСТЕ И РОЛИ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале абхазско-адыгских языков)

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» E-mail: dzug.rita@yandex.ru

В статье анализируется современное состояние как с теоретической, так и с практической точки зрения относительно новой отрасли языкознания – морфонологии. Рассматривая различные взгляды известных отечественных и зарубежных лингвистов о месте и роли морфонологических исследований, автор пытается аргументированно обосновать свою позицию, опираясь при этом на данные западнокавказской группы языков – абазинского, абхазского, адыгейского, кабардино-черкесского и убыхского. Вводимый в научный оборот материал по указанным языкам, как считает автор, будет иметь значение не только для лингвистического кавказоведения, но и в целом для общей теории языкознания, поскольку абхазско-адыгские языки уникальны по форме и степени распространения в них морфонологических явлений, и особенно аблаутных чередований при образовании и словоизменении сложных глаголов.

Ключевые слова: морфонологические явления, абхазско-адыгские языки, локальные превербы, направительные суффиксы, аблаутные чередования.

В современном языкознании все еще продолжается жаркая дискуссия относительно места морфонологии в кругу лингвистических дисциплин. Пограничное положение, занимаемое морфонологией, создает сложную зависимость морфонологических интерпретаций от результатов фонологического и морфологического анализа¹. При изучении языковых явлений обнаруживается тесное взаимодействие этих двух соседствующих уровней языковой структуры. Нередко случаи, когда морфологические процессы могут быть объяснены как альтернативы либо фонологического, либо морфологического порядка. В связи с этим обращение к конкретному одному уровню, в рамках которого исследуется природа альтернативы, оказывается недостаточным, поскольку некоторые альтернативы могут затрагивать одновременно оба указанных уровня языка. Следовательно, определение лингвистических единиц одного уровня в терминах единиц другого уровня может привести к неправильным выводам.

Исследование морфонологических процессов осложняется еще и тем, что оно носит комплексный характер – в нем сочетаются различные аспекты лингвистического анализа – фонологические, морфологические, семантические и этимологические.

В центре внимания морфонологии находятся проблемы фонологической структуры морфем и чередований, причем аксиомами морфонологии являются глубокая связь фонологической структуры морфем с их словообразовательными функциями и важная грамматическая роль чередований как дополнительного средства выражения в морфологии и словообразовании².

Подход к морфонологии с таких позиций можно считать более оправданным, так как при этом рамки ее раздвигаются и объектом анализа становятся не только фонологические средства, используемые в морфологических целях (как раньше

определял Н. Трубецкой), но и значительно более широкий круг явлений. Прежде всего, сюда включается вопрос об организации целостных и морфонологических структур – слова, парадигмы, словообразовательного ряда и т.д.³. К этому можно добавить, что к морфонологии, понимаемой так широко, относится исследование организации (структуры) всего плана выражения – словоизменения и словообразования. Подобное расширение рамок морфонологии с охватом всего формального плана морфологии и словообразования объясняет тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что чем более самостоятельной становится морфонология как особая дисциплина, приобретая автономный статус, тем более очевидной становится зависимость морфонологии от результатов морфонологического и словообразовательного анализа⁴.

И, наконец, задача морфонологического описания сводится к тому, чтобы выявить регулярные типы чередования и представить их в виде определенной схемы и определенного набора морфонологических правил, которые относились бы не к индивидуальным морфемам, а к классам чередований, к классам позиций⁵.

Понимание содержания морфонологического правила зависит от того, какой концепции придерживается исследователь. В данном случае мы солидарны с мнением Е. Земской, считающей морфонологическими правила соединения морфов в слове и взаимоприспособление (варьирование) морфов при их объединении. Это значит, что к области морфонологии относятся все случаи значащего варьирования фонем в морфемах, когда само варьирование выступает в качестве средства передачи той или иной информации⁶.

Таким образом, объединение разнородных отделов в рамках одной дисциплины достаточно убедительно мотивируется тем, что как одни (условно «фонологические»), так и другие (условно «морфонологические») факты характеризуют фонемную структуру морфемы и возможности ее варьирования в словообразовании и в словоизменении, и с этой точки зрения отличаются друг от друга лишь степенью и типом обусловленности⁷. Собственно степень этой обусловленности и ее подлинное содержание и составляют предмет морфонологии. Специфика морфонологии, следовательно, заключается в том, что в ней анализируется одна из грамматических единиц – фонологическая структура морфемы⁸. Морфонология занимается изучением процессов альтернатив, имеющих более или менее регулярный характер, а также преобразованиями, сигнализирующими о каких-либо явлениях в морфологии: о сдвигах ударения, процессах озвончения или оглушения, аблауте, умлауте и т.п. в различных языках.

Упорядоченное описание подобных процессов достигается прежде всего выведением общих формул альтернатив или морфонологических схем. В связи с этим возникает вопрос, включать ли в морфонологическое описание формы с внутренней флексией. Э.А. Макаев и Е.С. Кубрякова рассматривают все формы с внутренней флексией – независимо от того, какую именно морфонологическую нагрузку они имеют – как формы морфонологические⁹.

С их позицией солидарен известный кавказовед М.А. Кумахов. «Изменения гласных с грамматической точки зрения, – пишет он, – могут быть релевантными и иррелевантными. Так, чередование гласных *з.ы* в морфемах типа *дэ-н* «шить» (неперех.), *ды-н* шить что-нибудь (перех.), *цы* «три», *цэ* «трижды» является морфонологическим, т.е. имеет функциональное значение внутренней флексии»¹⁰.

По поводу внутренней флексии А.А. Реформатский занимает противоположную точку зрения. Внутренняя флексия, по его мнению – тоже грамматика, как и аффиксация. Это грамматика, а морфонология «еще не грамматика»¹¹. Правильным А.А. Реформатский считает подход к данной проблеме В.В. Лопатина и И.О. Улуханова: они считают, что термин «внутренняя флексия» может быть применен лишь к уровню морфологии¹².

В отношении определения границы между фонологией и морфонологией ведутся также бесконечные споры среди языковедов. Ясную и последовательную

позицию по этому вопросу занимает, на наш взгляд, С.М. Толстая. Она пишет: «Как бы ни была условной граница между фонологией и морфонологией, как бы ни была сильна зависимость морфонологии от фонологии, несомненным остается то, что морфонологические закономерности действуют в тех сферах языка, которые не охватываются фонетическими (фонологическими) законами, т.е. морфонология и теоретически и практически начинается после того, как кончится (будет полностью описана) фонология, и строится на базе фонологии или даже в известной мере отталкивается от нее»¹³.

Тесное переплетение фонетики, морфологии и морфонологии обусловлено сложной природой отношений фонетического и морфологического уровней в структуре языка. Это и определило отнесение аблаутных чередований к морфологическим процессам – так в наибольшей степени отражаются межуровневые отношения.

Важность морфологически значимых чередований, прежде всего аблаута, всегда отмечалась в специальной литературе. Осознание необходимости выделения морфонологии в качестве отдельной дисциплины и изучения структуры морфемы в рамках слова, а также признание связи морфонологии с фонологией и морфологией явились результатом научных изысканий Н. Трубецкого и Бодуэна де Куртенэ.

В разработке теории чередований велики заслуги Бодуэна де Куртенэ и Н. Крушевского. Бодуэн де Куртенэ впервые поставил вопрос семантической оценки звуковых изменений на материале индоевропейских языков¹⁴.

Ученик Бодуэна де Куртенэ Н. Крушевский высказал оригинальную мысль о морфонологической структуре славянских морфем. «У корня, отмечает Н. Крушевский, – имеется вариация внешняя, т.е. звуковая и внутренняя – морфологическая, причем для значения слова более важна морфологическая»¹⁵. Их труды стали основой для нового раздела языкознания, который позже Н. Трубецким был назван морфонологией. «Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике, подчеркиваю – в любой грамматике, – писал Н. Трубецкой. – Только такие языки, которые не имеют морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись без морфонологии»¹⁶.

Полная морфонологическая теория Н. Трубецкого состоит из трех задач. Все они обращены к звуковой стороне морфемы. Однако центральной проблемой является третья задача. Здесь ставится вопрос о варьировании или альтернировании морфов одной морфемы при объединении морфем в одно целое (на швах, стыках). Эта задача морфонологического анализа выступает первостепенной в отношении исследования судьбы аблаутных альтернатив и различных чередований вообще.

Таким образом, описание морфонологических явлений стало возможным благодаря европейским языковедам. Как видно из вышеизложенного, описание морфонологических моделей начато именно ими.

Абхазско-адыгские языки до недавнего времени не были объектом морфонологических исследований, несмотря на несомненную важность морфонологических процессов в этих языках. Тем не менее, кавказоведы в своих исследованиях затрагивали те или иные морфонологические явления. Так, проф. Н.Ф. Яковлев и доц. Д. Ашхамаф в Грамматике адыгейского литературного языка высказали некоторые соображения относительно изменчивого положения кратких гласных *э* и *ы* в адыгейском языке. Пытаясь выяснить причины такой неустойчивости, они определили, в каких позициях происходит рассматриваемый языковой процесс: в конце и середине слова. Сохранение и редукция конечных гласных они объяснили как явление историческое, а изменения внутри слова отнесены к современным языковым процессам¹⁷. Однако данное положение не подкрепляется необходимой аргументацией ни Н. Яковлевым, специально не занимавшимся этой проблемой,

ни его сторонниками, опирающимися в своих выводах на его мнение¹⁸. Таким образом, крупный специалист по западнокавказским языкам проф. Н.Ф. Яковлев, внесший огромный вклад в разработку вопросов общей фонологии, допустил некоторую непоследовательность при решении теоретических проблем фонологии, выдвинув гипотезу об историческом моновокализме кабардинского языка. Это предположение, высказанное Н.Ф. Яковлевым, усилил и без того возросший интерес зарубежных лингвистов к западнокавказским языкам. Сторонники ларингальной теории подхватили гипотезу Н.Ф. Яковлева. В частности, голландский лингвист А. Койперс в своей монографии «Фонемы и морфемы в кабардинском языке» пытается обосновать отсутствие противопоставления гласных и согласных фонем на материале кабардинского языка. Если Н.Ф. Яковлев допускал наличие одной фонемы в кабардинском (в известный период его развития), то А. Койперс приходит к выводу об отсутствии вообще гласных фонем в современном кабардинском языке¹⁹.

Другой зарубежный специалист по западнокавказским языкам – Г. Фогт, опираясь на материал убыхского языка, справедливо отмечает, что степень важности различия языковых единиц путем чередования *ы* с нулем усиливается при выражении им морфологических факторов²⁰. Чередование гласных как средство выражения личных форм глагола свойственно только убыхскому языку. В других языках абхазско-адыгской группы личные формы (субъекта и объекта) в глаголе выражаются префиксальным способом.

Что касается глагольных основ, включающих разные локальные префиксы, то они имеют свою систему противопоставления личных маркеров. Вообще в черкесских (адыгейском и кабардино-черкесском) языках иерархия противопоставления как глагольных основ лабильной конструкции с помощью личных маркеров, так и морфологические средства (чередования звуков), используемые при стабилизации лабильных основ, очень сложны и разнообразны²¹.

Следует выделить работу французского исследователя убыхского языка Ж. Дюмезиля. В своей монографии «Глагол убыхского языка» он затрагивает ряд вопросов по аблаутным чередованиям в абхазско-адыгских языках, подчеркивая при этом их особо важную роль именно в адыгских (адыгейском и кабардино-черкесском) языках. В этом отношении, – отмечает он далее, – убыхский язык отделяется от адыгских языков и сближается с абхазским и абазинским²².

Как первый опыт более тщательного и всестороннего анализа звуковых изменений можно назвать Грамматику адыгейского языка Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой²³. В ней подробнейшим образом рассмотрены изменения гласных при передвижении ударения, усечение гласных, редукция гласных, ассимиляция, изменения гласных в словообразовательных и словоизменительных префиксах адыгейского глагола.

В изучении фонетического строя западнокавказских языков велики заслуги К.В. Ломтатидзе. В частности ею разработаны многие сложные вопросы вокализма указанной языковой группы. С типологической точки зрения абхазско-адыгские языки относятся к консонантному типу. В то же время, несмотря на простейшую систему вокализма в данных языках, вся сложность структуры корня, а также усложненной основы имени и глагола опирается именно в область вокализма. Эта особенность убедительно продемонстрирована в ее монографии «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков», которая имеет огромное значение для всей группы западнокавказских языков.

Другой ведущий специалист в области абхазско-адыгских языков М.А. Кумахов собрал огромный фактический материал по адыгским языкам, диалектам и говорам, включая данные по адыгским диаспорам в Турции и ближневосточных странах. Опираясь также на родственные языки, сравнивая их фонетические и фонологические системы, он впервые применил к этим языкам приемы внутренней реконструкции.

Ознакомление с теоретическими положениями и подходами по рассматриваемой сложной проблематике приводит к выводу о наличии в абхазско-адыгском языкознании фундаментальных разработок по фонологии и морфологии. Однако на сегодняшний день пока не представляется возможным констатировать наличие полного и системного анализа по аблаутным чередованиям в указанных языках. В абхазско-адыгских языках морфонологические явления пронизывают всю глагольную систему. В абхазском и абазинском языках широко используются аблаутные чередования для противопоставления иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ. Здесь важно отметить наблюдение К.В. Ломтатидзе о том, что в абхазском и абазинском языках противоположное направление, характерное для суффиксов-корней, находит свое выражение и в превербах-основах. В превербах-основах с исходом на *a* редуцируется это последнее при выражении направления «сюда», т.е. при суффиксах-корнях *-цI, -x* гласный элемент *a* или вовсе опускается или же переходит в *ы*. Ср.: *a-та-ла-ра* «войти внутрь» и *a-ты-цI-ра* «выйти изнутри»; *a-та-цIа-ра* «внести что-то» и *a-ты-х-ра* «вынести что-л. из чего-л.»²⁴. Другими словами, в абхазском и абазинском языках выбор направления зависит от огласовки преверба. При сохранении исходной огласовки мы имеем глагол с аддитивным направлением, а редукция же исходного вокализма преверба дает абитивное направление. Однако такое противопоставление прослеживается не во всех типах производных основ. Поэтому в тех же целях используются направительные суффиксы. При этом любопытен тот факт, что необходимым условием появления глагольных направительных суффиксов *-гI(a)/-aa, -л(a), -aa* и *-m* в абазинском и абхазском языках является наличие превербов-основ, огласовка которых (*a*) редуцирована либо до иррационального *ы*, либо до нуля²⁵. Представляет немалый интерес также наличие в абхазском и абазинском языках материально и функционально тождественных превербов и суффиксов. Ср.: превербы *гIа/-aa, л(a)-, m-* и соотносительные суффиксы *-гIа/-aa, -л(a), -m*. В адыгейском, кабардино-черкесском, убыхском языках отсутствует подобное явление.

В абхазском и абазинском языках аблаутные чередования закреплены за локальными превербами и корневым морфом, а в адыгских и убыхском они характерны только для корневого морфа. Локальные превербы также тесно связаны с аблаутными чередованиями в глаголе. Кроме того, наиболее продуктивные морфонологически значимые аблаутные чередования возможны в превербных образованиях. В кабардино-черкесском языке производные глаголы с локальными превербами идентично оформляются в корневой морфеме кратким гласным *э*. В адыгских языках преверб и аблаут, хотя и взаимообусловлены, функционально четко разграничены: преверб означает локализацию, аблаут – направление²⁶.

Если сравнить семантическую направленность глагольных превербов и глагольных суффиксов кабардино-черкесского языка, то обнаруживается группа суффиксов, функционально близких локальным превербам, основное значение которых – характеристика места и направления (*-кI, -хь, -x, -лI, -йы, -с, -жьэ*). Ср.: *те-луэнтIэ-н* «завернуть туда» и *те-луэнтIы-кIы-н* «повернуть оттуда»; *дэ-пцы-н* «выползть откуда-л.» и *дэ-пц-хьэ-н* «заполти куда-л.»; *лъэфы-н* «тащить» и *е-лъэфэ-хы-н* «тащить кого-что-л. вниз»; *хьы-н* «нести» и *е-хьэ-лIэ-н* «поднести что-л. к чему-л. близко»; *пцы-н* «полти» и *дэ-пцэ-йы-н* «взобратсья вверх (ползком)»; *хьы-н* «нести» и *нэ-хьэ-сы-н* «донести кого-что-л. до какого-л. места»; *лъэфы-н* «тащить» и *е-лъэфэ-жьэ-н* «поволочь, потащить кого-что-л.». Приведенные производные модели с суффиксом без преверба не употребляются. Последние дополняют, поясняют функцию преверба. Морфонологические явления, происходящие в данном случае, определяются суффиксацией²⁷.

Достоин внимания еще одно обстоятельство. В адыгских языках имеется группа беспревербных моделей, включающих направительные суффиксы (*-кI, -x, -лI*). Если включение локального преверба в состав глагольной основы способствует

увеличению количества лиц в глаголе на одно лицо – лицо косвенного объекта, то в беспревербных моделях и эту функцию выполняет суффиксальный элемент. В последних наличествует префикс *йэ(e-)* как показатель 3 лица косвенного объекта. Ср: *пцы-н* «ползти» и *е-пцэ-кы-н* «отползти в сторону»; *хьы-н* «нести» и *е-хьэ-хы-н* «опустить, спустить кого-что-л. вниз»; *вэ-н* «пахать» и *е-вы-лэ-н* «вспахать землю вплотную к чему-л.»

В абхазском и абазинском языках утрата конкретной локальной семантики некоторыми превербами сопровождается появлением еще одного лица в глаголе, чаще косвенного и реже – ближайшего объекта. Таким образом, в адыгских языках аблаут в превербных основах находит функциональную параллель в абхазском и абазинском. В адыгейском, кабардино-черкесском, абхазском и абазинском языках прослеживается функциональное тождество огласовок (например, огласовка *ы* или *нуль* указывает на абитивную форму), что свидетельствует о наличии в этих языках структурных общностей, связанных с выражением направления в глаголе.

Итак, можно констатировать, что морфонология, возникшая относительно недавно как раздел языкознания, сумела в целом сформироваться и достичь значительных результатов. Несмотря на это до сих пор не стихают споры о ее месте и роли в лингвистике.

Основные разработки в области морфонологии принадлежат исследователям индоевропейских языков. Определенные успехи достигнуты в этом плане и по абхазско-адыгским языкам. Тем не менее, учитывая важность морфонологических процессов в этих языках, необходимо активизировать работу по раскрытию всех специфических черт западнокавказских языков в этой области, что несомненно является важной задачей не только для кавказоведения, но и для теории языкознания.

Примечания

1. Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998. 319 с.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 456 с.
3. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М.: Наука, 1983. 119 с.
4. Попова Т.В. Славянская морфонология. Субстантивное словообразование. М.: Наука, 1987. 226 с.; Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.
5. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Указ. соч. С. 6.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
7. Толстая С.М. Указ. соч. С. 37.
8. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 87–119.
9. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Указ соч. С. 104–105.
10. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
11. Реформатский А.А. Очерки фонологии, морфонологии, морфологии. М.: Наука, 1979. 102 с.
12. Лопатин В.В., Улуканов И.С. К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 119–132.
13. Толстая С.М. Указ. соч. С. 41.
14. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 383 с.
15. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
16. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1960. 372 с.
17. Яковлев Н.Ф., Аихамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941. 464 с.

18. *Кумахов М.А.* К проблеме аблаута в абхазо-адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 80–90.
19. *Kuipers A.* Phoneme and Morpheme in Kabardian S⁷ Graverhage, 1960. 126 p.
20. *Vogt H.* Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. 264 p.
21. *Kumakhov M., Vamling K.* Circassian clause structure. Malmo University, 2006. 213 p. // *Кумахов М., Вамлинг К.* Эргативность в черкесских языках (in Russian with introduction and summary in English).
22. *Dumézil G.* Le verbe Oubykh, Paris, 1975. 213 p.
23. *Розава Г.В., Керашиева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966. 462 с.
24. *Ломтатидзе К.В.* К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1953. Т. 4. С. 125–128.
25. *Клычев Р.Н.* Глагольные направительные суффиксы в абазинском и абхазском языках. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1972. 182 с.
26. *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С. 20–28.
27. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка. Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

ABOUT THE PLACE AND ROLE OF MORPHONOLOGICAL RESEARCH (on the material of the Abkhaz-Adyghe languages)

Dzуганова Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

The article analyzes the current state both theoretically and from a practical point of view regarding a new branch of linguistics – morphology. Considering the different views of famous Russian and foreign linguists about the place and role of morphological studies, the author tries to substantiate his position reasonably, based on the data of the West Caucasian group of languages – Abazin, Abkhaz, Adyghe, Kabardino-Circassian and Ubykh. The material brought to scientific circulation in these languages, according to the author, will be important not only for linguistic caucasism, but also for the general theory of linguistics, since the Abkhaz-Adyghe languages are unique in form and extent of the distribution of morphological phenomena, especially about alternations in the formation and word-change of complex verbs.

Keywords: morphological phenomena, Abkhaz-Adyg languages, local preverbs, directional suffixes, about alternations.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-76-82